

ЧЕРЕЗ ГОДЫ, ЧЕРЕЗ РАССТОЯНИЯ...

В Великую Отечественную он служил фронтовым корреспондентом. Майор Сергей Островой входил с передовыми частями в освобожденные города и села Калининской области, был ранен под Старицей. Он автор стихов к сотням песен, которые скрашивали жизнь народа в самые тяжелые времена.

Его «У деревни Крюково», «Вы слышали, как поют дрозды», «Песня остается с человеком», «Потолок ледяной, дверь скрипучая» и другие остаются с нами и по сей день. Подтверждая законы сибирского долголетия - 6 сентября Сергею ОСТРОВОМУ исполнилось 94 года, - он бережно относится к своему здоровью, продолжает сочинять и не утратил интереса к жизни

- Сергей Григорьевич, то, что вы родились еще в царской Сибири, как-то повлияло на вашу жизнь?

- Конечно. В Сибири особый кодекс чести. Когда я был маленьким, в нашем доме двери никогда не запирались. Воровство считалось тягчайшим из преступлений. В наших краях жили разные люди, встречались и подлецы, и воры, но их было так мало, что они на жизнь общества никак не влияли. Потом в других краях мне всегда не хватало сибирской

студеной чести, студеной чистоты. В самом высоком смысле этих слов.

- Какой вам запомнилась гражданская война?

- В начале гражданской мне было семь лет, но я уже все понимал. Тогда в нашем городе, теперешнем Новосибирске, власть менялась часто: то белые придут, то красные. Помню, когда в очередной раз появились белые байкальские казаки, они были пьяные и разгульные.

(Окончание на стр. 2)

(Окончание. Начало на стр. 1)

В тот вечер отец лег спать на полу головой к двери, чтобы, когда будут врываться, первым делом стукнули его по голове, и он проснется. Другое страшное воспоминание связано с эпидемией сыпного тифа: бесчисленные мертвые тела увязывали на саях веревками, как хворост, и вереницы таких саней тянулись за город. Для детской психики это зрелище было сильнейшим потрясением.

- Ваша семья имела возможность дать вам хорошее образование?

- Мои родители всю жизнь оставались полуграмотными. Отец служил охотником. Мама была домохозяйкой. В нашем доме не было ни одной книги. К моему увлечению литературой семья относилась с презрением. Читать библиотечные книжки удавалось тайком лишь по ночам при свечке. От этого к 14 годам зрение непоправимо испортилось. А вот со школьными товарищами мне повезло. У нас подобрались компания эдаких юных интеллектуалов. Я им читал свои первые стихи. Потом один друг стал режиссером, другой - скрипачом, третий - писателем.

Я писал заметки в городскую газету для детей «Юный ленинец», которую редактировал ссыльный венгр Миша Кун. Полученные там навыки помогли мне, когда в 16 лет я ушел из дома, не поладив с отцом. Почти без денег я оказался в Томске, где попросился репортером в местную газету. Дали первое задание: описать ход соцсоревнования на маслозаводе. Я тщательно собрал материал, изучив работу чуть ли не всего завода, и написал большой очерк. Потом три дня ждал публикации. Денег на жизнь уже не было. И наконец вышло 4 строчки без подписи. Редактор тогда мне сказал: а теперь давай будем работать серьезно. Так я начал.

- Вы одно время работали в железнодорожной газете «Гудок», гремевшей своими звездными авторами...

- В «Гудок» меня зачислили в 1931 году, когда его «лучшие перья»: Михаил Булгаков, Юрий Олеся, Исаак

Тверская, 13. - 2005. - 1 окт. - с. 1-2

ЧЕРЕЗ ГОДЫ, ЧЕРЕЗ РАССТОЯНИЯ...

Бабель, Илья Ильф, Евгений Петров и его старший брат Валентин Катаев уже «выросли» из журналистских одежек и ушли в большую литературу.

Я как репортер тогда объездил полстраны. Писал о машинистах, сцепщиках вагонов, проводниках. Даже один раз руководил слетом стрелочников на станции Люблино. В годы индустриализации было принято устраивать «выездные редакции», когда вагон «Гудка» отцепляли где-нибудь на запасном пути близ большой стройки. Мы за неделю выпускали газету на местном материале, своими силами ее печатали и тут же распространяли. Потом нас прицепляли к попутному составу, и мы ехали дальше.

- А как вы стали песенником?

- В 1934 году мои стихи «Наливались тополи» получили 2 премии на конкурсе военно-комсомольской песни. Сразу два композитора - Николай Мясковский и Владимир Фэре - написали свои песни на один мой текст. Подобный конкурс тогда был в диковинку. И победа на нем считалась большой удачей. Жюри из лучших поэтов страны возглавлял Демьян Бедный. Я получил на руки 4 тысячи рублей премии - огромные деньги на ту пору. Сразу ушел из газеты и занялся только творчеством.

- Какие нравы царили тогда в среде столичных поэтов?

- Не могу сказать, чтобы откровенно брали за горло.

Меня это как-то не коснулось. Я работал и дружил в основном с композиторами. Дунаевский, Хачатурян, Мурадели, Соловьев-Седой, Мокроусов, Блантер - все самые известные мастера того времени. Как-то Константин Симонов мне сказал, что страшно завидует поэтам, пишущим песни: «Какое счастье слышать, как люди поют твои слова. Это ни с чем не сравнимо».

А с Володей Фэре мы полгода провели в командировке на Дальнем Востоке в армии Блюхера, написав 12 песен на воинскую тематику. Легендарному командарму особенно нравилась наша «Мы советское Приморье никому не отдадим». Он с нами часто общался и, бывая в Москве, нередко звонил. После его расстрела я чудом избежал преследования.

- Вы, очевидно, были освобождены от призыва из-за плохого зрения. Как же вы попали на фронт?

- С первых дней войны поэты читали свои патриотические стихи на призывных пунктах, чтобы приободрить новобранцев. И вот однажды такое мое выступление перебил выкрик офицера: все на выход! Толпа разбежалась. Я остался один в военкоматовском дворике. И мне вдруг так стало стыдно, что я их агитирую воевать, а сам сижу в тылу. Тогда я пошел и записался в ополчение. Попал в «писательскую» роту вместе с Ефимом Зозулей, Александром Бекон, Юрием Лебединским. Народ самый что ни на есть далекий от лише-

ний и тягот воинской жизни. И когда нас 5 июля отправили походным маршем из Москвы под Вязьму, мы едва дошли в казенных, натравивших кровавые мозоли, ботинках. «Крики. Стоп. Косые вспышки молний. / Чья-то кровь на срезанном стебле. / Поле! Поле! Не цветы запомню - / Кровь запомню на твоей земле!» Это строки из поэмы «Первые письма», написанной под впечатлением от увиденных в дороге ужасов войны.

Под Вязьмой тогда ожидалось наступление немецких танков. А у нас из вооружения была только одна винтовка на десятерых. Предполагалось, что оружие мы должны были добыть в бою. Комиссар нам вполне серьезно посоветовал: «Как пойдем в первый раз в атаку, гремите котелками и «ура» кричите погромче». Чудное и страшное было время!

- И какое свое первое оружие вы добыли в бою?

- В нашей жизни многое решает случай. Накануне боя меня и еще пятерых литераторов отозвали в Москву согласно только что изданному постановлению Политуправления об организации армейских газет с учреждением в них должности «писатель в газете». Литераторы оказались востребованы по их прямой специальности. А в том страшном бою, отбивая танковые атаки немцев, вся наша рота погибла... «Под низким небом - белая опушка. / Здесь тишина. Здесь мой товарищ спит. /

смерти, пытался посодетствовать публикации моих стихов в журнале «Новый мир», но член редколлегии Леонид Леонов их «зарубил». А с сыном Багрицкого Сеовой мы дружили.

- Вы автор многих сказок. Тяготение к этому жанру - это попытка уйти от неприглядной действительности?

- Нет. С действительностью я дружен. Никогда не приукрашал ее. За исключением стихов к «красным дням календаря». Тогда всем пишущим надлежало «барабанить» бодрые тексты. Но я старался писать человеческие стихи, чтобы брали за душу, согревали людей. И цели своей достигал. Так, на мою поэму «Мать», напечатанную в «Правде», пришло около 10 тысяч писем-откликов. Отвечал читателям газетной статьей.

Сейчас подобного интереса к поэтам нет. Книги не выходят. И это кого ни возьми. Слышал, даже Евтушенко издал книгу за свой счет. При его-то популярности! Четыре года назад ради моего юбилея друг Сергей Михалков настоял, чтобы издательство «Советский писатель» выпустило книгу моих новых стихов. Тираж вот такусенький. Но хоть так. А то все же идет в стол.

- Литературоведы отмечали неизменное «душевное здоровье» вашей поэзии. Довольно редкое явление среди поэтов. Вас никогда не тянуло декадентствовать?

- У меня и до сих пор сохранилось душевное здоровье, потому что всегда писал честно и никому не завидовал. Я понимал, то,

которую написал еще в 1936 году с Матвеем Блантером. Сразу нахлынули воспоминания, к горлу подступил комок, и вся моя довоенная жизнь показалась какой-то далекой, отстраненной, как будто пройтой кем-то другим... Где теперь те сабли и те пики? В новой войне они уже были бесцельны против танковой брони и шквального артиллерийского огня.

А в другой раз мы ехали с женой поездом на юг, и спозаранку по внутреннему радио какой-то идиот на полную громкость включил мою «Песня остается с человеком». И повторял это несколько раз подряд. Я тогда поносил на чем свет стоит и своего неведомого поклонника, и саму песню.

- Какие взаимоотношения были у поэтов с исполнителями?

- С ними в основном работали композиторы. Мой голос был совещательным. Так, Аркаша Островский нашел малоизвестного тогда Иосифа Кобзона и тот «крестил» нашу «Через годы, через расстояния». Так же было и с Геной Беловым, спевшим «Вы слышали, как поют дрозды». Но я был против, чтобы песню «У деревни Крюково» Марк Фрадкин доверил ансамблю «Самоцветы». А композитор все же настоял на своем. И оказался прав. Никто лучше их ее не спел: «Будут плакать матери ночи напролет. / У деревни Крюково погибает взвод. / Не сдадут позиции, не уйдут назад. / Их в живых осталось только семеро молодых солдат».

Ханок вообще положил на музыку мои стихи «Зима» без моего ведома. Я услышал эту песню впервые в телевизионном концерте. В неподражаемом исполнении Эдуарда Хила она сразу стала популярной. Мы с Ханком потом написали еще несколько песен. Но у них уже такой звездной судьбы не было. Никогда не знаешь, «пойдет» песня или нет. Она живет по своим непостижимым законам. Тут ни просчитать вперед, ни угадать невозможно.

- Вас не зовут поработать для нынешней эстрады?

- Меня сейчас куда не зовут. Хотя я продолжаю ежедневно работать, и мой стол заполнен рукописями новых стихов. Не той дешевой, что льется с экранов ТВ и радиоэфира, которую сами поют, сами и поют. Все сами. Песенная поэзия России никогда так не деградировала, как в последние годы. Новомодные эстрадники похабят и калечат души подрастающего поколения. За это нужно отдавать под суд.

- Но хоть какие-то положительные эмоции, связанные с профессией, у вас сегодня возникают?

- Время от времени мне звонят те наши исполнители, в чьих репертуарах еще остались мои песни, и рассказывают, как их принимает публика. К примеру, ребята из команды Игоря Крутого

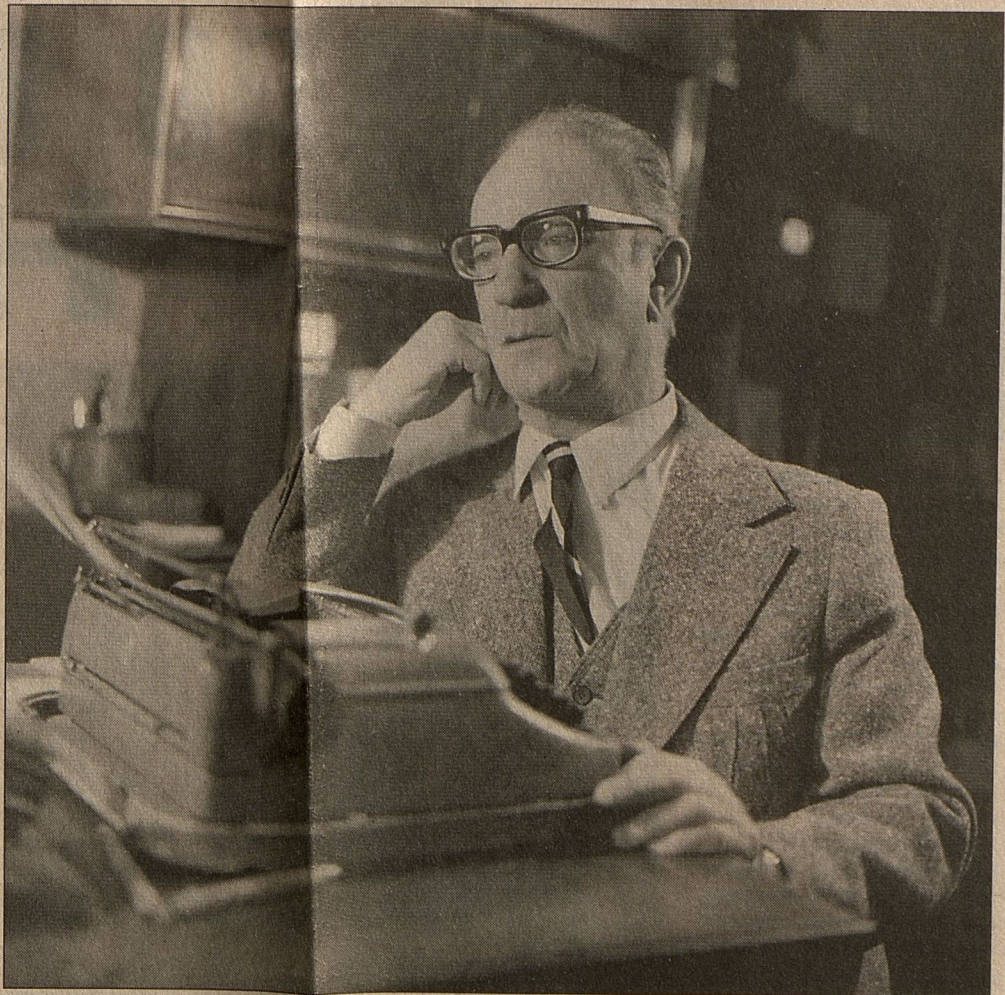
Мертво вокруг. И взорванная пушка / Над ним, как вечный памятник, стоит». Эти строки написаны в те дни.

Для меня началась другая жизнь. Я попал в газету «Народа» 31-й армии. К литераторам на фронте было противоречивое отношение. Куда бы ни приехал, всюду чужак среди сдружившихся и притершихся друг к другу людей. Однако я не обижался - у каждого своя работа, приближающая победу.

«Солдаты ходят налегке: / Патроны, нож, да корка хлеба, / Да автомат зажат в руке, / Да переменчивое небо!» (это уже 43-й год). Не раз приходилось бывать под пулями. А мне, кроме ста-

то я умею, не умеют другие, а то, что умеют другие, не умею я. И тут хоть умри. Эта мысль всегда приносила спокойствие. А если ты внутренне спокоен, то многое получается. И я упорно работал. К примеру, мой трехтомник, вышедший в 1985 году, насчитывает более 30 тысяч строк. У меня просто не было времени на декадентство.

А физическое здоровье мне всегда давал спорт. Я исходил на лыжах все Подмосковье. По этому поводу у меня есть такие строки: «Лыжи - вот моя поликлиника. / Сосны - вот мои доктора». До сих пор играю в большой теннис. В семидесятые годы даже был президентом

ренского нагана, ничего не полагалось из оружия.

- Вы как-то сказали, что в начале испытывали влияние Багрицкого и Пастернака...

- Помню, как-то в один из моих приездов с фронта встретил Бориса Леонидовича на улице. «А мы вас в Чистополе похоронили, всплеснул руками Пастернак. - Прошел слух, что Островому в атаке голову оторвало, а он еще бежал и махал руками. Ну, удивил!» Эдуард Багрицкий в 1933 году, незадолго до своей

теннисной федерации России. До самого последнего времени любил париться в русской бане. Но врачи уже запретили по возрасту.

- Ваши собственные песни как-то на вашу жизнь влияли?

- Когда мы уходили на фронт, наш ротный запедала затылок: «Подари мне, со-о-кол, на прощанье саблю...» Мы все бодро подхватили дальше: «Вместе с острой саблей пику подарил». И только уже порядочно прошагав, я осознал, что пою-то собственную песню,

вернулись из турне по Америке, где давали концерт русской советской песни. Рассказывали, что, когда на концертах со сцены звучали слова: «Через годы, через расстояния. / На любой дороге, в стороне любой / Песня ты не скажешь: до свидания! / Песня не прощается тобой», то зал в едином порыве вставал и стоя слушал. Вот такие моменты согревают сердце и помогают жить.

**Беседу вел
Анатолий СТАРОДУБЕЦ
Фото автора**